

С. Б. Адоньева

Традиционная реальность фольклорной песенной лирики

Исследователь, избирая объектом изучения текст традиционной лирической песни, сталкивается с одной очень существенной проблемой — в лирическом тексте присутствуют некоторые логические нарушения, препятствующие пониманию его содержания.

Во-первых, к нарушениям такого рода относится временная невязность эпизодов, например:

*Мне сегодняшний день скука,
Со милым моим разлука.
Разлучает нас неволя,
Чужедальняя сторонка.
Петербургская дорожка,
Московская широкая.
Как по этой по дорожке
Много разиков езжала,
Много писем посылала.
Мои письма не доходят,
Слуги верны не доносят...¹*

Первый эпизод описывает событие как синхронное акту повествования: использовано обстоятельство времени — «сегодняшний день», употребляется настоящее время глагола. Второй эпизод, событийно следующий за первым, описан через формы прошлого времени (прошедшего процессуального) — «езжала», «посылала». Очевидна логическая несогласованность между последовательностью событий и временным способом их описания.

Наиболее распространенный тип временных нарушений можно проиллюстрировать следующим примером:

По несчастью случилось
Я в изменщика влюбилась.
Мне понравился мой милый друг
Милей света, милей белого,
Милей отца, милей матери
И дороже роду-племени.
Хорошо тому на свете жить,
У кого нету стыда в глазах,
Нет стыда в глазах, ни совести
У кого нету заботушки!
У меня ли молодешенькой
Есть немалая заботушка
В ретивом сердце зазнобушка
Зазнобил меня любезный друг
Зазнобил сердце повысушил
Без красного солнца высушил
Без морозу сердце вызнобил
Я сама дружка повысушу,
Я повысушу повыкрушу.
Я не зельями, не кореньями,
Без морозу сердце вызнобил
Я сама дружка повысушу,
Я повысушу повыкрушу.
Я не зельями кореньями,
Без морозу сердце вызноблю.
Без краснова солнца высушу.
Схороню тебя, мой миленькой,
В зеленом саду под грушею,
Сама сяду послушаю:
Не стонет ли мать сыра земля?
Не вскрывается ли гробова доска?
Не встает ли мой сердечный друг?
Зарастай, милого могилушка
Травушкой муравушкой...²

Произошедшее событие — «по несчастью случилось — я в изменщика влюбилась», описывается как располагающаяся в прошлом причина настоящей, переданной через формы настоящего времени, рефлексии — «у меня ли молодешенькой есть немалая заботушка». По отношению к актуальному настоящему рефлексии логически непротиворечиво выстраивается предполагаемое будущее: «я сама дружка повысушу». Но далее происходит очень характерное для ли-

рики явление: то, что в предыдущем эпизоде описывалось как предполагаемое будущее, в последующем эпизоде предстает как уже совершенное (в прошлом!) действие, которое также служит поводом для рефлексии. Временной алогизм текста проявляется, как это видно из примеров, в отсутствии фиксированной временной точки факта сообщения.

К логическим нарушениям можно отнести и широко известный пространственный алогизм лирики:

*Середь лесу становилася,
Середь лесу, середь темнаго,
Середь садику зеленаго*³.

*Разгуляю свою грусть-тоску,
Пойду я с горя на сине море,
Сяду я, сяду на крут бережок,..
Спрошу я у быстрой речки...*⁴

Названные временные и пространственные особенности фольклорной лирики, казалось бы, снимаются введением категории субъекта, через которую она обычно и определяется как поэтический род. Связность лирического текста осуществляется не на уровне события, а, следовательно, и не на уровне пространства и времени, а на уровне переживания этого события лирическим субъектом и лирическим «я».

Но эта категория — лирическое «я» — оказывается с трудом применимой к фольклорной лирике. Оставаясь первым лицом, от которого, казалось бы, ведется повествование, лирический субъект может при этом менять возраст, социальный статус и даже пол. Примером смены пола может служить следующий текст:

*Уж ты слышишь ли, видишь ли, мил сердечный друг,
Как у нас в саду, саду изукрашено,
Изукрашено в саду.
Еще лучше того, в саду соловей поет,
Молодой в саду поет.
Ой, меня — молодца, грусть-тоска берет,
Грусть-тоска, горе берет,
Берет горе, горе обняло,
Горе обняло, из глаз слезы катются,
Выкатываются из глаз.
Во слезах, слезах слово молвила,*

Слово молвила: «Ах ты ау, ау!

Ах, мил сердечный друг, задушевный мой!»⁵

Молодца, обращающегося к «милому сердечному другу» «берет тоска», «слезы...вытекают из глаз». Но — «во слезах слово молвила»: лирический субъект травестирует, сохраняя при этом состояние лирической медитации.

Д. Н. Медриш и предложил разрешить эту проблему через определение обобщенно-личной природы фольклорной лирики⁶: разные лирические субъекты дают единую оценку ситуации, описываемой в песне; поскольку оценка едина, то субъекты эти могут сливаться. Но если это так, значит, должна существовать единая ситуация, которая и переживается-оценивается разными лирическими субъектами, а ее в песне также может не быть.

*Что чужая жена — лебедушка белая
А своя-то жена — полынь горькая трава,
На меже в поле росла,
На меже-то на меже, на высоком рубеже,
Никто рубежом не пройдет
Никто травку не сорвет,
Никто девицу не любит,
Никто замуж не берет*⁷.

Здесь есть как минимум две ситуации. Отнести такой текст к контаминации невозможно. Недефектность его подтверждается обилием вариантов, что свидетельствует об устойчивости именно такого состава мотивов.

Перед исследователем фольклорной лирики стоит следующая проблема: каким образом можно говорить о связности лирического текста, если он оказывается не связанным ни на уровне событийно-ситуационном, ни на уровне пространственно-временном, ни на уровне субъекта? Такая постановка вопроса, естественно, соотносима с проблемой смысла лирического текста.

Обычный для фольклорных изданий и для научных концепций способ обращения с указанными несообразностями — признание дефектности подобных текстов, представление их неудачными контаминациями и исключение их из антологий фольклорной лирики. В антологии фольклорной песни в первую очередь попадают те варианты, сюжеты которых представляются издателям непротиворечивыми. Тем не менее, анализ архивных коллекций и классиче-

ских изданий убеждает нас в том, что практически каждый второй лирический текст содержит хотя бы одну из таких несообразностей. Трудно признать и бытующую среди фольклористов оценку таких алогизмов дефектами передачи. Соглашаясь с этой точкой зрения, пришлось бы признать, что как минимум половина всех, исполняющих песенную лирику, повторяют текст бездумно.

Итак, если мы, тем не менее, считаем, что фольклорная лирика имеет какой-то смысл, мы должны найти ключ к пониманию такого рода текстов. На основании приведенных примеров нетрудно заметить, что логические разрывы проходят по линии «швов» между формулами и формульными темами, что дает основание полагать, что именно изучение лирических формул может дать ключ к пониманию текстов.

Многое в области описания смысловой стороны фольклорной лирики было сделано в работе Г. И. Мальцева, посвященной лирическим формулам. В частности, он поставил вопрос о соотношении лирического текста и традиционной реальности. «Наше понимание фольклорной реальности с необходимостью вытекает из специфики обрядового сознания, для которого традиционность и действительность своего рода тождества. Поэтому, пользуясь выражением А. Ф. Лосева, мы можем охарактеризовать традицию как “абсолютную эстетическую действительность” лирической песни. И формулы как элементы, в которых наиболее полно конденсируется традиционная информация... Именно в них она развертывает свое содержание. Формулы не наделяются в тексте смыслом, а сами наделяют им текст»⁸.

Рассмотрение природы лирической формулы как единицы текста, имеющей в плане содержания располагающийся вне текста традиционный смысл, учитывает отношение традиционного сознания и реальности, т. е. того контекста, в котором только и существовала традиционная необрядовая лирика. Но если формулы мотивированы не на уровне текста, а на уровне традиции, что связывает их в конкретной песне? Непонятным оказывается принцип существования лирической песни как смыслового целого. Почему и каким образом те или иные лирические формулы объединяются в текст? Почему в пределах локальной традиции формульный состав песни устойчив? Он размывается только при сопоставлении различных традиций, в пределах исследовательского поля, а не в пределах живого бытования лирической песни.

Итак, если каждая формула, входящая в текст, не мотивирована на уровне текста, что связывает их между собой? Проблема содержания фольклорного лирического текста как смыслового целого остается открытой.

Представляется, что один из аспектов этой проблемы может быть прояснен на основании анализа некоторых черт традиционной реальности. В данном случае мы идем вслед за тезисом Б. Н. Путилова об инклюзивности фольклорных явлений, включенности их в традиционную реальность⁹. Фольклорная формула, с одной стороны, является единицей текста, с другой, имеет в плане содержания располагающийся вне текста, традиционный смысл, она оказывается тем звеном, которое связывает фольклорный текст и традиционную реальность.

Но если бытие фольклорной формулы как единицы текста изучалось достаточно подробно¹⁰, то вопрос о том, что собой представляет формула как единица традиции, нуждается в обсуждении.

Воспользуемся определением традиции, предложенным С. Е. Никитиной, и отражающим наиболее распространенное представление о том, что входит в понятие традиции в современной науке: «Под традицией <...> мы понимаем способы хранения, передачи (в частности, обучения) и регулярного воспроизведения определенного круга текстов, осуществляемые от поколения к поколению <...> Понятие традиции применительно к нашему материалу семантически близко понятию культуры и образует вокруг себя обширное смысловое поле. Оно связано с понятиями социальной, этнической и профессиональной группы носителей традиции, статусов отдельных личностей и разных типов текстов. В смысловое поле “традиции” попадают понятия жизненного уклада, или образа жизни, системы ценностей (народной аксиологии), воспитания и обучения, лингвистические понятия стиля, структуры и функции текста»¹¹.

Речь идет, как мы видим, об определенном содержании, во-первых, и о способах передачи этого содержания, во-вторых.

Первое составляет культурную реальность: то, что считает действительным человек, и исходя из чего он формирует свою жизнь и на уровне поступков, и на уровне представлений¹².

Второе — способ передачи информации о том, каким образом культурная реальность должна быть выстроена и каким образом должен быть «выстроен» в отношении ее человек — адепт данной

культурной реальности, иными словами, это принцип концептуализации реальности.

Назовем некоторые особенности традиционной культурной реальности¹³, значимые для нашей задачи. Одной из характерных ее черт является отсутствие разделения на субъективное и объективное. Положение о нерасчлененности субъекта и объекта, давно стало общим местом исследований, посвященных традиционному сознанию: «Исходное состояние сознания есть полное безразличие я и не-я. Ход объективирования предметов иначе может быть назван процессом образования взгляда на мир <...> Очевидно, например, что когда мир существовал для человечества только как ряд живых, более или менее человекообразных существ, когда в глазах человека светила ходили по небу не в силу управляющих ими механистических законов, а руководясь своими соображениями, — очевидно, что тогда человек менее выделял себя из мира, что его мир был более субъективен, что тем самым состав его я был другой, чем теперь»¹⁴. Естественным продолжением этой мысли может быть констатация единства внутренней («субъективной») и внешней («объективной») реальностей, присущие традиционной культуре. Если внутреннее, невидимое наделено онтологическим статусом, оно должно включаться в общую причинно-следственную цепь без посредства внешнего действия: вся внутренняя жизнь человека непосредственно включена в каузальные отношения мира. Такая сплошная — без разрыва между субъектом и объектом — каузальность находит свое выражение как в самих традиционных текстах, так и на уровне интерпретации текстов носителями традиции.

Накануне субботы Димитровской
В соборе святом Успенским
Обедню пел Киприян святой,
За обедней был Димитрей князь
С благоверною княгиней Евдокиєю...
Перед самой то было перед «Достойной»¹⁵
Перестал Димитрей князь молиться,
Ко столбу князь прислонился,
Умом князь Димитрей изумился:
Открылись душевные его очи...¹⁶

Стоящее перед душевными очами, то, что принято называть субъективным, вполне осознавалось и трактовалось как поведен-

ческая доминанта, как источник, определяющий характер активности личности: духовный стих именно внутреннее видение князя Дмитрия, прозванного впоследствии Донским, объявляет причиной дальнейших известных исторических событий.

Психическое и физическое наделены равным онтологическим статусом — тоска и веселье существуют в мире не в меньшей мере, чем стол или дерево. Различные человеческие состояния, которые с современной точки зрения субъективны, а значит и не вполне «материальны», в традиционной реальности располагаются в определенном пространстве, имеют объем, подлежат таким же манипуляциям, что и предметы вполне материальные: тоску или болезнь можно смыть, съесть, снять или, наоборот, пустить по ветру, «навесить».

Единая природа «субъективного» и «объективного», столь значимая для традиционной реальности, была описана П. А. Флоренским через понятие «силы» или «поля»: «Если имеется налицо железо, способное воспринимать действие поля, то тогда мы признаем и существование магнитной силы, если железа нет, то и сила не обнаружится. Этот пример поясняет мысль, которая должна быть понятна сама собою и которая была ясна древнему сознанию <...> Здесь разумеется понятие активной пассивности, т. е. соответствия объекта воздействия силе, на него действующей»¹⁷. И далее: «Все то, что способно действовать, производя изменения характеристик действительности, т. е. сообщая равномерному и неуклонительному протеканию их во времени некоторое ускорение, — все это с полным правом может быть называемо силою <...> Между разными силами нет разделяющей границы, по одну сторону которой было бы объективное, а по другую — субъективное: все объективное имеет внутреннюю сторону, как и все субъективное обнаруживается»¹⁸.

Коль скоро внутреннее и внешнее суть явления одной природы, они оказываются включенными в единую ценностную систему, которая также, в свою очередь, не есть субъективная оценка мира, но Богом установленная иерархия бытия. И человек, и предмет, и событие не могут быть и плохими, и хорошими в одно и то же время, поскольку оценка не дается объекту кем-то, а является присущим этому объекту качеством. Человек отличается от всех других объектов мира сего тем, что он волен в том, чтобы стать хорошим или плохим. Но, по традиционной оценке, такой выбор не имеет обратного

хода: «Люди бывают злые или добрые. Злые не могут злое не делать: они знаются с нечистой силой. Она вынуждает их делать, силой...»¹⁹ Встречаются и более категоричные высказывания на эту тему: «Злые делают злое, добрые — доброе. Нужно людей по виду уметь различать»²⁰. Есть «места» плохие и хорошие (например, для выбора места для постройки дома приглашался «знающий»), предметы и действия «чистые» и «нечистые», и это не область чьей-либо субъективной оценки, а присущее этим вещам свойство. Эта особенность традиционной реальности обнаруживается в том, что время и пространство оказываются небезразличными по отношению к тому, что в них происходит, причем именно в ценностно-нормативном смысле.

Ночь — время действия темных тайных сил, время потаенных дел человека: ворожбы, тайного любовного свидания, злонамеренного сговора. Заря — время магического лечения, очищения, но это же время оказывается запретным для каких-либо денежных сделок. Разнокачественность времени закреплена лексикой народного языка (пора — время): «Время — пора, година, срок, попутный или противный чему случай <...> Время на время не приходит. Придет время, будет и наш черед. Не в пору не впрок, а ко времени спорье. То было время, а ныне пора. Дураку что ни время, то и пора. Не время дорого, пора...»²¹ Разнокачественность времени проявляется и в широко известном представлении о лихой минуте; различие качества времени — удел «знающих»: «Ехау барин па дароги. Мужичок рожь сеить, сеить рожь и пасеживаить: кинить — и пасядить <...> “Што ета, дедушка, сядитя, а там ипять начнетя сеить?” — “Вот, дитя, на чем: нихарошая минута узыйдеть, я абнарауливаю”»²².

Определенные точки пространства могут допускать или не допускать те или иные человеческие дела. Все ритуальные действия строго детерминированы в отношении пространства.

Идея ценности вменена времени и пространству, что не предполагает оценивающего субъекта или возможности различных оценок. Определенное пространство психологически «наполнено» вне зависимости от того, воспринимает его некто или нет. Некто, попадающий в определенную точку пространства, обнаруживает характеристики этого пространства в виде своего внутреннего состояния. Человек, таким образом, оказывается не только субъектом, обладающим определенными внутренними состояниями, но также — индикатором характеристик пространства, времени, ситуации, в которых

он находится. Это представление закреплено формой неопределенно-личных и безличных конструкций русского предложения (мне весело, мне грустно, мне думается и пр.), столь характерных для фольклорного синтаксиса. Можно предположить, что неагентивность, отмеченная А. Вежибицкой, как характерная черта русского языкового сознания в первую очередь связана именно с этим²³. Но мы бы уточнили предложенную интерпретацию этого феномена, признав его идеологический, но не этнический источник. Используя оксюморон П. Флоренского, отметим, что «активная пассивность» предполагает последовательное предоставление человеком места инициатора действия — метафизической «стороне». Пассивность не означает отказ от поступка или ответственности, но знание «своего» места.

«У него с женой разведено было», — по сей день говорят крестьянские женщины, избегая вменения ответственности за это событие кому-либо²⁴.

Ой, что-то мне видится-кажется,
Ой, да по стене пробирается,
Ой, да вот идет ко мне батюшко...

причитает невеста-сирота, обращаясь к распахнутой перед нею двери на крыльцо и сообщая о приближении покойного родителя, у которого следует испросить благословение на венчание²⁵.

Единство субъективного и объективного распространяется не только на время и пространство, но и на вещи, и на типы деятельности — от простейшего физического движения до сложного производственного или ритуального комплекса действий.

Важно подчеркнуть следующее. То, что мы разводим на два лишь опосредованно взаимодействующих между собой класса явлений (класс явлений субъективных — эмоциональных, ментальных — и объективных — причинно-следственных, пространственно-временных) в традиционной реальности существует нераздельно. В пределах традиции физическое движение, эмоциональное состояние, точка времени и точка пространства связаны не в сознании воспринимающего субъекта, не на уровне ассоциации, а на уровне бытия.

Каждый из элементов, составляющих такое онтологическое единство, способен становиться знаком всего комплекса — «именем собственным традиционного смысла» в терминологии Г. И. Мальцева. На уровне языка такой способ членения мира проявляется в нали-

чи общефольклорных формул или общих мест, по содержательной структуре представляющих собою комплекс (в отличие от понятия), по функции являющихся категориями традиционного сознания.

Формулу можно представить себе в виде многогранника, который имеет своими плоскостями разные сферы бытия и связывает их воедино²⁶. В различных фольклорных жанрах она является разными своими гранями. Законы жанра определяют ту грань, которая будет опорной, стержневой в строении текста. Если в нарративных жанрах такой опорой является событийный ряд, за которым имплицитно присутствует символический план текста, то в песенной лирике связь формул осуществляется по другой грани — по грани их ценностного/эмоционального содержания. В этом случае — говорится ли о человеческом движении или действии, состоянии природы, или явлении социального порядка, — и то, и другое, и третье в равной степени являются не содержанием, но выражением. Социально-бытовая ситуация, описываемая в песне, оказывается таким же способом поименования определенного психологического содержания, как и описание природы или какое-либо физическое действие.

Рассматривая способ концептирования мира как этническую характеристику, А. Вежбицкая отдельно останавливается на концептах, которые определяет как эмоциональные: «Эмоциональные концепты задаются ситуациями, типичными для известных переживаний, и эти ситуации могут быть описаны посредством ментальных сценариев. Я полагаю, что мы в самом деле интерпретируем наше эмоциональное состояние при помощи таких сценариев <...> Мы часто описываем друг другу эмоции при помощи прототипических ситуаций (“Я чувствовал себя, как чувствуют себя, когда...”, “Я чувствовал себя так же, как кто-нибудь себя чувствовал бы, если...”). Я предполагаю, что имеющиеся в нашем распоряжении термины для эмоций (типа *печаль* и *радость*) сокращенно обозначают ситуации, которые воспринимаются носителями данной культуры как самые распространенные и заметные»²⁷.

Для нас исключительно важным представляется вывод о том, что содержание концепта, связанного с внутренним состоянием человека, по мнению автора, интерпретируется через некоторую внешнюю ситуацию, которая может быть изображена в виде сценария. Думается, что фольклорная формула и есть такой сценарий, который, с одной стороны, представляет собой интерпретанту некоторое психологическое содержание, с другой — чреват определенной жиз-

ненной интригой. В песенной лирике смысловая связность текста обеспечивается общностью психологических содержаний формул. Продемонстрируем это на одном из уже привлекавшихся для анализа примеров:

Что чужая-то жена —
Лебедушка б'ляя;
А своя-то жена —
Полынь горькая трава,
На межѣ въ полѣ росла,
На межѣ-то, на межѣ,
На высокомъ рубежѣ.
Никто рубежомъ не пройдетъ,
Никто травки не сорветъ.
Никто дѣвицу не любить,
Никто замуж не беретъ...

Первая часть песни задает сюжет социального порядка, именуемый определенное психологическое содержание — быть нежеланной. Метафора горькой травы, растущей на границе полей, имеет тоже психологическое содержание — быть ненужной, не ценной, отвергаемой. И третья часть песни — о девушке — о том же. Песня, включив определенное эмоционально-психологическое содержание посредством первого сценария — о нелюбимой жене, удерживает его на всем пространстве текста за счет иных формул, позволяющих расцепить причинно-следственную цепь внешнего события — предпочтения мужем другой женщины — и переживаемого состояния. Одно и то же «субъективное» присваивается разным ситуациям.

Примечания

- ¹ Собрание народных песен П. В. Киреевского / Записи П. И. Якушкина. Т. 2. Подгот. текстов, предисл., коммент. З. И. Власовой. Л. 1986. № 307.
- ² Там же. № 370, аналогичный пример № 51.
- ³ Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским. СПб. 1895–1902. В 7 т. Т. 2. С. 111. (Далее: *Соболевский*.)
- ⁴ Там же. Т. 5. № 75.
- ⁵ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 2. № 296. Ср. аналогичный пример (там же. № 32):

*За рикою за Нивой было Нивагою,
За доругою за рикой, речкой Перебрагаю
Ни кавыл ли трава, травушка шатаца,*

*Што шатался валялся задуша моя,
Што задушичка, мил сердечный друг,
Што ни сам зашол, не сваей ахотаю,
Занесла же мне молодца неволюшка...*

- ⁶ Медриш Д. Н. Сюжетная ситуация в народной лирике и в произведениях А. П. Чехова // Русский фольклор. Т. 18. Л. 1976. С. 82.
- ⁷ Соболевский. Т. 3. С. 381. № 470.
- ⁸ Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики. Л. 1989. С. 64–65.
- ⁹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. 1994. С. 60–61.
- ¹⁰ Формульность былины, сказки и, наконец, лирической песни привлекала достаточно много внимание ученых: см. Послесловие Б. Н. Путилова к русскому переводу книги А. Лорда: *Лорд А. Сказитель*. СПб., 1994. С. 323–342; *Рошяну Н.* Традиционные формулы сказки. М. 1974; *Герасимова Н. М.* Пространственно-временные формулы волшебной сказки // Русский фольклор. Т. 18. Л. 1978; *Герасимова Н. М.* Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. 1978. № 5; *Разумова И. А.* Повествовательный стереотип в русской волшебной сказке. Минск, 1984; уже приводившаяся работа Г. Мальцева и др.
- ¹¹ Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. 1993. С. 7. Во французской медиевистике этот феномен — «манеру чувствовать и думать» — принято называть ментальностью.
- ¹² Ср.: «Порядок — это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и, одновременно, то, что существует лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован» (*Мишель Фуко.* Слова и вещи / Археология гуманитарных наук. М. 1977. С. 37).
- ¹³ Уточним, что под культурной реальностью мы понимаем, выражаясь в духе Бахтина, реальность, пережитую и оцененную носителями традиционной культуры. Под последней в русском ее варианте — формы жизни, сопровождающие патриархальную общественную практику.
- ¹⁴ *Потебня А. А.* Мысль и язык // *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика / Сост., вступ. ст., библиограф., примеч. И. В. Иванов, А. И. Колодной. М. 1976. С. 170–171.
- ¹⁵ Перед пением хвалебной песни Богородице «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Честнейшую херувим и Славнейшую без сравнения серафим...»
- ¹⁶ *Бессонов П. А.* Калики переходже. 1861. Вып. 3. № 165. С. 673.
- ¹⁷ *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М. 1993. С. 45.
- ¹⁸ Там же. С. 50.

- ¹⁹ Записано от Т. В. Топорковой, женщины, хорошо знающей традицию, причетницы, 1940 г. р., уроженки с. Никольского Устюженского р-на, летом 1994 г. в д. Ануфриево Белозерского р-на Вологодской области.
- ²⁰ Записано от Т. Ф. Точиловой, 1914 г. р., летом 1990 г. в д. Топса Виноградовского р-на Архангельской обл.
- ²¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1978. Т. 1. С. 260–261.
- ²² *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. В 4 ч. Ч. 1. СПб., 1891. С. 110.
- ²³ *Вежбицкая А.* Русский язык // *Вежбицкая А.* Язык. Познание. Культура. М., 1996. С. 33–88.
- ²⁴ Фольклорный архив СПбГУ. Белозерское собр. Персоналии. 1998. Ед. хр. 1.
- ²⁵ Фольклорный архив СПбГУ. Сухонское собр. Ед. хр. 3 № 22.
- ²⁶ Следуя определению А. Ван Геннепа, назвавшего многогранником фольклорный факт: «классификационный подход определяется той гранью, с которой мы имеем дело» (*Van Gennep A.* Le folklore. Paris. 1924. P. 22).
- ²⁷ *Вежбицкая А.* Язык. Познание. Культура. С. 337.